

УДК 130.3:111.7:316.7
DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-265-271

Рациональность: ценность и/или антиценность культуры?

Ибрагимова З.З.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сайкина Г.К.

Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Юринов В.Ю.

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социальной философии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Целью данной работы является критико-рефлексивный разбор ряда современных концепций рациональности, вскрывающих в ней противоречивую природу и антигуманную направленность. Это позволило проблематизировать тезис о «рациональности как ценности культуры» (В.С. Швырёв) и исследовать рациональность в плоскости социально-эпистемологического дискурса. В концепции «расового мышления» О. Розенштока-Хюсси выявлены черты феномена, который, по мнению авторов, можно определить как «дегуманизацию мышления». Научной новизной исследования является обоснование следующих тезисов: 1) господство «вычисляющего мышления» (М. Хайдеггер), «разума как органа калькурования» (М. Хоркхаймер), «распределённой власти» (М. Фуко) можно обозначить как новую – духовную – форму отчуждения человека, 2) рациональность вовсе не является доминантой и высшим выражением культуры: колossalная сила разума человека, проявляющаяся в его власти над внешней и собственной природой и в созидании тем самым культуры, обнаружила себя одновременно в самоотрицающем качестве – как возможный источник уничтожения культуры. В этой связи особо значимым становится прояснение причин появления в современной культуре абсурдных и бесчеловечных «гримас» рациональности, обусловленных отречением человека от своего предназначения.

Ключевые слова: рациональность, разум, рассудок, вычисляющее мышление, бытийное мышление, человек, культура, ценность

Для цитирования: Ибрагимова З.З., Сайкина Г.К., Юринов В.Ю. Рациональность: ценность и/или антиценность культуры? // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 265–271. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-265-271.

М. Шелер в работе «Человек и история» делает важное замечание: «Учение о “*homo sapiens*” приобрело для всей Европы самый опасный характер, какой какая-либо идея вообще может приобрести: характер чего-то само собой разумеющегося» [1, с. 78]. Действительно, опасность данной идеи заключается в том, что люди привыкли считать разум автоматически срабатывающей способностью, проистекающей из самого факта рождения человеком. Разум обычно определяется как сущностная способность человека – «способность познавать сущее таким, каково оно есть само по себе» [1, с. 76]. Однако, как мы полагаем, важно следовать методологии И. Канта, который, исследуя «элементы определения человека», выделял «задатки человечности его как существа живого и вместе с тем разумного» [2, с. 96], наряду с «задатками животности и личности». Все задатки, по И. Канту, «изначальны» – в том смысле, что без них невозможно было бы человеческое существо (с точки зрения соответствия сущности), но одновременно и «случайны» – в том смысле, что человек может существовать и «сам по себе», без них [2, с. 98]. Отношение к разуму всего лишь как к «задатку», который сам по себе не имеет актуальности факта, смогло бы уберечь человека от многих ошибок и зла. И. Кант, несколько смущаясь, пишет, что бывает и «злой разум», в том случае, когда он не доходит до уровня «практического разума», «уважения к моральному закону», то есть когда, в сущности, человек не поднимается до уровня реализации «задатков личности» как «существа разумного и вместе с тем способного отвечать за свои поступки» [2, с. 96]. Следовательно, как определенный задаток человечности разум нуждается в актуализации, а как сущностная способность – в пронизывании всех человеческих проявлений рациональным. Опасность состоит в том, что разум не обязательно дорастает до уровня человеческой сущности. Можно ли в таком случае считать разум нашей способностью? Можно ли говорить, что мы владеем им?

Одновременно важно понимать, что в философии существует недовольство не столько неразвитостью рационального начала, сколько его избыточным господством. Критика рационального измерения человеческого бытия обнаруживает в рациональности черты «противо-человеческой силы». Рациональность критикуется за так называемую репрессивность и «инструментальность». При этом, как мы считаем, напрашивается логичный вопрос: можно ли инструментализировать рациональную способность, не овладев ею? Можно ли считать ее сущностной силой, если она превращается в средство? Возможность противоречивой оценки роли разума

в человеческом бытии стала основанием проблемного поля нашей работы и определила цель нашего исследования.

Надо сказать, что в неклассическом мыслительном пространстве подвергаются критике не столько содержательные моменты накопленного культурой знания, сколько глубинные способы мыслить мир, архетипы и матрицы мышления. В современной философии рациональность понимается как конкретно-исторический феномен, что дает основание философам критиковать не столько саму рациональность, сколько ее определенные типы. В целом критика ведется по отношению к просвещенному (излишне самонадеянному и оптимистичному в отношении самооценки) типу рациональности. Рациональность в современной культуре из «прилагательного» стала «существительным», то есть самостоятельной субстанцией, что само по себе означает не столько овладение ею, сколько ее полный разрыв с бытием. Следовательно, произошел отход от принципа тождества бытия и мышления. Реальность обнажила его в виде антитезы формализованного, излишне теоретизированного знания и жизни (как истока знания).

Следует отметить, что, несмотря на то, что неклассический способ мышления больше называют иррациональным, зачастую бросается в глаза излишняя рационализация сфер жизни. Человек все более становится прагматичным, нацеленным на близкие цели. Да, жизнь современного человека достаточно рационализирована, но разумна ли? Не является ли виной тому инструментальное отношение к рациональности?

Б.С. Швырев назвал свою работу «Рациональность как ценность культуры» [3], однако современная критика рациональности нередко может склонять к прямо противоположному выводу, и это трагично. «Культура, – как верно отмечал Й. Хейзинга, – должна быть метафизически ориентированной, либо ее нет вообще» [4]. В работе мы исходили из гипотезы, что кризис современного типа рациональности и дискредитация его как ценности культуры обусловлены изменой высшим смысловым – метафизическими – целям человеческого бытия и нацеленностью на решение узких, сиюминутных, прагматических задач современного человека.

Скорее всего, именно у И. Канта, концептуально разводившего рассудок и разум как две различные ступени (или способности) рационального, возникла специальная проблематизация форм рациональности. Впоследствии рассудочное мышление, направленное на эмпирию, стало трактоваться не только как аналог научного мышления, но и как

примитивная ориентация мышления исключительно на повседневные нужды человека. Действительно, рассудочный уровень мышления по существу не имеет метафизического содержания, так как направлен лишь на сущее и во многом представляет собой лишь отклик на «агрессию» эмпирии, и в этом контексте его носитель пассивен, реактивен. Рассудочному уровню может соответствовать состояние «мне мыслится», в котором мысли как будто сами по себе хаотично крутятся в человеке, подчиняя его себе. Разумный же уровень многими вообще не задействован: человек не обременяет себя им. Разумное мышление не может быть «навязано» ни сущим, ни кем-то из людей, оно свободно запускается человеком актом воли. Когда И. Кант выдвигал требование к «просвещенному человеку»: «Имей мужество пользоваться собственным умом» [5], он, как мы полагаем, призывал задействовать именно разумную способность человека. При этом мы же понимаем, что речь у него вовсе не идет об инструментальном отношении к рациональному. В этой связи проблема «инструментального» отношения к разуму (пользования разумной способностью) требует конкретизации и носит амбивалентный характер. Итак, что означает «пользоваться» разумом и каковы последствия такого использования?

Как известно, именно в специфике мышления современного человека и прежде всего в его инструментальном характере философы узрели причины тоталитаризма, фашизма и «антропологической катастрофы». Причем обвинениям подверглась прежде всего философия (метафизика), изменившая «истине бытия», и связанная с ней наука, способствующие господству «эпохи хватки человека» (М. Хайдеггер) и превращению всего и вся, в том числе и самого человека, в сырье.

XX в., в лице представляющих его философов, показал, что человек может использовать свою мыслительную способность в антигуманных целях. Неожиданной может показаться критика рациональности за его репрессивную природу. Принцип отношения к мысли как к поступку М.М. Бахтина сработал в «обратном направлении» – как осуждение рациональности. Но при этом подспудно, по-новому, «раскрылась» идея, согласно которой эпистемология может развиваться только как «социальная эпистемология».

К числу философов, наиболее ярко обосновывающих «репрессивность» рационального, принадлежал О. Розеншток-Хюсси. На основе анализа исторических смещений смыслов он доказывает, что слово «ratio» стало «расовым мышлением». Причиной этому он считает отрыв разума и мышления от речи.

Аргументируя свою позицию, О. Розеншток-Хюсси показывает, что исторически греческое слово «Логос» со смыслом «беседа», «речь» (в том числе и «беседа интеллекта с самим собой») было вытес-

нено словом «Нус», означающим «мышление», и затем – латинским словом «ratio», из которого потом и было выведено слово «раса». В итоге слово «Ratio» стало обозначать мышление, смотрящее «на речь сверху вниз» [6, с. 7], потерявшее связь с речью.

Таким образом, «ratio» был «вырван из его общественной материнской почвы, “логоса”» [6, с. 9], в результате чего мышление разделилось на объективное и субъективное. По существу, О. Розеншток-Хюсси задает новый контекст аргументаций против «гносеологической робинзонады». Рациональность, по его мнению, вследствие всех подмен стала инструментом соотнесения объекта и субъективной мысли, но не человека с человеком; разрыв мышления с логосом-речью свел на нет субъект-субъектное отношение. «“Ratio” становится объективным основанием объяснения вещей и субъективным порядком существования всех мыслей» [6, с. 8]. Тем самым мышление стало инструментом познания «немого мира» [6, с. 13] – тех объектов, «которые не задают встречных вопросов» [7, с. 80].

Человек стал мыслить «расово», то есть, по мнению О. Розенштока-Хюсси, выискивать родовые, неизменные признаки вещей, но в результате при этом сам стал природной вещью, «расой». Так, размышление о человеке ведется с точки зрения формально внешнего (ветеринарного, как он его обозначает) вопроса: «Что есть человек?», пригодного, по мнению О. Розенштока-Хюсси, «скорее для того, чтобы описать породу собак» [6, с. 11]. Он называет это мышление «расовым» еще и потому, что люди в нем редуцированы к вещам. Полагаем, что в связи с этим можно говорить и о таком феномене, как «дегуманизация мышления». В расовом мышлении исчез человек во всем богатстве его сущностных проявлений; вопрошение о человеке ведется в нем как о «что», как о вещи среднего рода, «заменимом существе» [7, с. 82].

«Расовое мышление», превращая человека в несущее существо, находящееся «за пределами беседы», в итоге одновременно делает его статистическим, исчисляемым объектом, объектом планирования. О. Розеншток-Хюсси образно описывает данный процесс как превращение человека из субъекта в именительном падеже в объект в винительном падеже. Ему соответствует мышление экономического человека. Мышление редуцируется к счету и планированию – к «числовому разуму» [6, с. 29], для которого число важнее слова. О. Розеншток-Хюсси отмечает, что движение от Логоса к «расе» могло означать движение «к Гитлеру» [см.: 6, с. 10]. Господство такого мышления, то есть абстрактная постановка вопроса «Что есть человек?», уничтожающая суть человека, в результате привело к сжиганию людей в печах концлагерей и высылке людей в лагеря: «Эпоха светской мудрости закончилась концентрационными лагерями, где нагому человеку

отказывали в имени и месте проживания, должности и предназначении» [7, с. 87], где он превращался в «номер», «голое количество». О. Розеншток-Хюсси, к примеру, обвиняет в этом «математику», которая не останавливается перед человеком. «Распространение математики привело к умерщвлению, отравлению газом в душегубках, кастрации, селекции, высылке миллионов людей, поскольку математика мира не в состоянии остановиться перед человеком» [8, с. 38]. Он считает, что нельзя заставить людей говорить при помощи числа или логики, они могут разговаривать только при помощи речи, и именно беседа с другим человеком (а не «беседа о чем-то») является для него человекоформирующим пространством, в котором каждый из нас всегда не завершен.

М. Хайдеггер также беспокоит проблема господства мышления, связанного с особым пристрастием человека к построению планов, налаживанию производства, к тому, чтобы рассчитывать результат движения к цели. В речи, опубликованной под названием «Отрешенность», он называет его «вычисляющим мышлением» и противопоставляет ему «осмысливающее раздумье». «Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером» [9, с. 104]. Оно, по словам М. Хайдеггера, без конца калькулирует «выгодные возможности». Поэтому он часто называет данный вид мышления «хитроумием». Главное – «вычисляющее мышление» просто что-то узнает, но «не способно подумать о смысле, царящем во всем, что есть» [9, с. 104], как это присуще «осмысливающему раздумью», требующему высшие усилия. Таким образом, бич «вычисляющего мышления» состоит в его оторванности от смыслов.

По М. Хайдеггеру, в современном мире можно наблюдать «бегство от мышления». По его мнению, если вычисляющее мышление станет единственным способом мышления и полностью вытеснит «осмысливающее раздумье», то тогда это «хитроумие» обернется «бездумностью». «Бездумность – зловещий гость, которого встретишь повсюду в сегодняшнем мире, поскольку сегодня познание всего и вся доступно так быстро и дешево, что в следующее мгновение полученное так же поспешно и забывается» [9, с. 103].

Однако М. Хайдеггер осуществляет критику мышления не ради критики мышления, а вследствие того, что видит ужасающие последствия распространения «вычисляющего мышления». В этой работе он, как и во многих других работах, критикует превращение человеком мира в сырье: «Мир теперь представляется объектом, открытый для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современ-

ной техники и промышленности» [9, с. 107]. И виной тому – господство «вычисляющего мышления». М. Хайдеггер опасается зависимости человека от технических приспособлений. В результате происходит «употребление сущности» человека. «Странно на самом деле не то, что мир становится полностью технизованным. Гораздо более жутким является то, что человек не подготовлен к этому изменению мира, что мы еще не способны встретить осмысливающее мыслью то, что в сущности лишь начинается в этом веке атома» [9, с. 108].

Хотим обратить особое внимание на то, что М. Хайдеггер данную ситуацию связывает с наступлением «на жизнь и сущность человека» [9, с. 108]: человек тем самым отрекается от своей «глубочайшей сущности» – от того, «что он есть размышающее существо» [9, с. 111]. Можно сделать вывод, что тем самым формируется новая форма отчуждения человека, господствующая в XX в.

Надо сказать, что в ряде других работ («Что значит мыслить?», «Время картины мира», «Преодоление метафизики» и др.) Хайдеггер противопоставляет «вычисляющему» или «рассчитывающему» мышлению «бытийное мышление», ориентированное на «истину бытия».

М. Хорхаймер рассматривает господство инструментального разума как закономерный итог развития капитализма, что, по сути, означает окончательный разрыв разума с его объективной природой и приводит к дегуманизации и исчезновению человеческого смысла бытия. Инструментальный разум развивался в Европе в форме рационального владения природой, в котором главными критериями становятся способности человека эффективно контролировать все процессы, а именно «способности рассчитывать вероятность и координировать выбранные средства с данной целью» [10, с. 30]. Инструментальный разум ставит во главу угла эффективность и выгоду, что приводит к игнорированию моральных и этических принципов. Однако есть истинный разум, который формируется у людей как способность осознанно относиться к своей жизни; он направлен на достижение согласия человека и с миром природы, и со своей собственной природой.

Свою интерпретацию эпохи модерна даёт М. Фуко в фундаментальной концепции дисциплинарного знания, которая построена исходя из взаимообусловленности субъекта и власти. Он рассматривает не просто феномен власти и её отношений, а особые «дисциплинарные институты», представляющие собой взаимообусловленность контроля и производства власти и знания. Знание формирует свой, присущий эпохе объект – человеческую массу, население, которое нуждается в «политической» заботе. И в этом смысле для М. Фуко позиция И. Канта становится предельно ясной, поскольку

«помещение людей в дисциплинарные институты и навязывание им определенных режимов – это есть один из способов, какими власть «укладывает» явления в свою, образно говоря, «априорную форму созерцания» [11, с. 180]. Именно в *биополитике*, которая является формой рациональности как контроля над жизнью населения, но не индивида, М. Фуко видит новый аспект осмыслиения рациональности. На первый взгляд, это может выглядеть как возвращение объективного разума в свое прежнее лоно. Ничего предосудительного не имеет концепция «биовласти», известная с античности – не только как «принуждение к жизни», как «практика заботы о себе», но и как «практика заботы себя», поскольку она возникла в процессе выбора оптимальных способов создания условий достойной жизни человека, свободы внутреннего мира, в частности, обоснования идеалов пайдеи. «Забота себя» как «техника себя» или субъектификация – как то, что направлено на подлинное высвобождение внутреннего мира человека, в отличие от «заботы о себе», которая, на самом деле, ведет к порабощению человека [12, с. 8]. Подобно тому, как пайдея содержала сущностную задачу воспитания и образования гражданина для более лучшего управления человека именно *государством* (Алкивиад в одноименном диалоге Платона), так и в концепции М. Фуко идеалы этой пайдеи реализуются в связке с дисциплинарными механизмами. М. Фуко обозначает *биополитику* следующим образом: «...начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство...» [13, с. 413]. «Распределённая власть», т.е. власть, растворившаяся в «дисциплинарных институтах», по М. Фуко, обращается, прежде всего, к телесности человека, рационально «выправляет» ее особенности, поскольку они привносят сложности для функционирования государства. Человек как конструкт, требующий постоянного корректирования, явлен как существо, потерявшее свою уникальность в массе живого населения. Вот таков результат самых «благих намерений» разума, который внешне позиционировал себя как объективный; поэтому в целом неудивительна перманентная возможность генетической «срашённости» такой «распределённой власти», например, с евгеникой и с воспроизведением социальной основы любых форм тоталитарного государства в XX и XXI вв.

Эти тенденции постоянно напоминают нам об энтропийных процессах в разных сферах социального. Так, идеалы подлинной образованности формируют свои смыслы в каждую эпоху. Наша современная система образования является ареной бесконечных экспериментов, которые никак не под-

готовлены экспертным сообществом, а вызваны популистскими или келейными интересами определенных социальных (и политических) субъектов. Так, средняя школа из пространства формирования мышления, знания, умения и человеческих смыслов превратилась в «фабрику» информационных ресурсов для успешного прохождения различных экзаменов: «система образования проводит социализацию пенитенциарного типа, посредством которой пенитенциарная культура проникает в общество и захватывает его» [14, с. 25].

Почему ЕГЭ в средней школе не позволяет определять и понимать личностное, нравственное наполнение личности? А оно должно это делать? В таком случае систему реализации инструментального разума следует рассматривать как способ формирования только образовательных компетенций, т.е. знания, выраженного в причинно-следственной связи законов и принципов, описывающих изучаемую сферу универсума. Это абсолютно соответствует логике математики, естествознания, технических наук, в которых сам метод познания и его результат есть рационально, абстрактно и символически представленное знание об объекте. Это необходимое и достаточное условие так называемого «точного знания» – «к концу XIX в. могло показаться, что естественные науки, развертывавшиеся во всем своем блеске, окончательно обозначили нормы, которым должна следовать подлинная наука, и таким образом навязали современной мысли свои методы как единственный путь к настоящему знанию» [15, с. 115–151].

Итак, в работе нами исследованы концепции И. Канта, М. Шелера, О. Розенштока-Хюсси, М. Хайдеггера, Й. Хёйзинги, М. Хоркхаймера, М. Фуко, М.М. Бахтина, В.С. Швырева, в которых поставлены под вопрос триумф, абсолютная ценность, непогрешимость человеческого разума как основания нововременной культуры. В философии и в целом в культуре Нового времени был сформирован подход, согласно которому природа, общество, государство и сама природа человека могут быть не только поняты, но и преобразованы с помощью достоверного и ясного знания. Однако разум проявил себя «парадоксально», выпятив обратную сторону – как *иррациональная*, разрушительная сила. Во многом это происходило ввиду оторванности от глубинных, метафизических смыслов человеческого бытия.

Важно указать, что сама категория «рациональность» в определенном смысле есть продукт «инструментального» овладения разумом и интериоризации ее в человеческую способность. И как любая деятельность по присвоению определенной сущностной силы, процесс овладения разумом также имеет свои издержки.

Разработка вопросов о природе рациональности интересна не только в плане понимания процес-

сов отчуждения от метафизики, начавшихся еще в XIX в. в рамках негативной диалектики философии жизни, позитивизма. Это имеет смысл прежде всего для понимания судеб современной культуры, которая демонстрирует способность к своему совершенно автономному, а потому непредсказуемому ходу развития –но эта реальность, чтобы «стать культурой, ... должна обладать двумя признаками: отделиться от природы, войдя в мир человеческих отношений, и отделиться от своего творца человека, став самостоятельным предметом» [16, с. 39].

Фантомы рациональной культуры могут поставить под вопрос существование социума, именно это побуждает искать способы гармонизации рационального и иррационального в культуре не только в философских концепциях, но и в динамике живых социальных процессов, которые с постоянством демонстрируют абсурдность диктата силы, тоталитарных режимов. Проблема равновесия этих начал гораздо сложнее, поскольку ни сама по себе рациональность, ни иррациональность не являются искомой величиной решения задачи бытия человека в мире, скорее, они одновременно являются необходимыми зеркальными критериями для своего утверждения в социуме. В нашем вопросе о роли ценностного статуса рациональности таким критерием является только человек, но не как апофеоз его иррациональности, а как мост между («мета») рациональным и иррациональным, что позволяет ему стать подлинным субъектом. Но это возможно, когда человек, человечество осознает себя в качестве предмета собственных штудий. Рациональное постижение мира и мир как выражение рациональности – разнятся. Но для двух этих ипостасей мира возможен такой критерий: «если человек освободится от всего того, чем он не является, то останется его подлинная субстанция, человечность» [17].

Литература:

1. Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения / пер. А.В. Денежкина, А.Н. Малинкина, А.Ф. Филиппова; под ред. А.В. Денежкина. М.: Издательство «Гно-зис», 1994. С. 3–128.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.
3. Швырёв В.С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.
4. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. URL: https://royallib.com/book/heyzinga_yohan/v_teni_zavtrashnego_dnya.htm (дата обращения: 09.09.2025).
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 6. М.: «Мысль», 1966. С. 25–36.
6. Розеншток-Хюсси О. Раса мыслителей, или Голгофа веры // Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого / Пер. с нем. и англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 7–35.
7. Розеншток-Хюсси О. Что есть человек? В защиту неспециалиста // Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого / Пер. с нем. И англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 77–88.
8. Розеншток-Хюсси О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: разгадка Августином загадки времени // Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого / Пер. с нем. и англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 36–76.
9. Хайдеггер М. Отрешенность // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества / Пер. с нем. М.: Высш. шк., 1991. С. 102–111.
10. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / М. Хоркхаймер; пер. с англ. А.А. Юдина; предисл. В.Ю. Кузнецова; науч. ред. В.Ю. Кузнецова. М.: Канон+ РОИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
11. Сокулер З.А. Методология гуманитарного знания и концепция «власти-знания» Мишеля Фуко. М.: ГЭОТАРМедиа, 2011. URL: <http://www.studentlibrary.ru/book/970409169V0078.html> https://iphras.ru/elib/Ph_csc4_17.html (дата обращения: 10.09.2025).
12. Савельева Н.В. Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 9. С. 7–15.
13. Фуко М. Надо ли считать, что все просветительские идеи не были реализованы? // История сексуальности. Т. I: Воля к знанию ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с. URL: <https://predanie.ru/book/221390-i-volya-k-istine-po-tu-storoni-znaniya-vlasti-i-seksualnosti/> (дата обращения: 10.09.2025).
14. Карпов А.О. Нравственный вопрос образования // Философские науки. 2025. № 68(2). С. 7–32. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2025-68-2-7-32>
15. Хёйзинга Й. Задачи истории культуры // Хёйзинга Й Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Сост., пер. и авт. вступ. ст. Д.В. Сильвестров; Науч. comment. Д.Э. Харитоновича. М.: Про-

- гресс-традиция, 1997. С. 115–151. URL: http://anna-ganzha.narod.ru/huizinga_homo_ludens.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
16. Доброхотов А.Л. § 9. Культура как регион бытия // Доброхотов А.Л. Телеология культуры. М: Прогресс-Традиция, 2016. URL: [livelib.ru:https://www.livelib.ru/book/112566/readpart-teleologiya-kultury-16](https://www.livelib.ru/book/112566/readpart-teleologiya-kultury-16)
17. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с. URL: https://royallib.com/read/zimmel_georg/izbrannoe_sozertsanie_gizni.html#0 (дата обращения: 10.09.2025).

Rationality: the Value and/or the Anti-Value of Culture?

Ibragimova Z.Z., Saykina G.K., Yurinov V.Yu.
Kazan (Volga Region) Federal University

The purpose of this work is a critical and reflective analysis of a number of modern concepts of rationality, revealing its contradictory nature and inhumane orientation. This made it possible to problematize the thesis of "rationality as a cultural value" (V.S. Shvyrev) and to explore rationality in the plane of socio-epistemological discourse. The concept of "racial thinking" by O. Rosenstock-Hussey reveals the features of a phenomenon that, according to the authors, can be defined as "dehumanization of thinking." The scientific novelty of the research is the substantiation of the following theses: 1) the dominance of "calculating thinking" (M. Heidegger), "reason as an organ of calculation" (M. Horkheimer), "distributed power" (M. Foucault) can be described as a new – spiritual – form of human alienation, 2) rationality is not at all the dominant and highest expression of culture: the colossal power of the human mind, manifested by in his power over the external and his own nature, and thus in the creation of culture, he revealed himself at the same time in a self-denying capacity - as a possible source of the destruction of culture. In this regard, it is particularly important to clarify the reasons for the appearance in modern culture of absurd and inhuman "grimaces" of rationality caused by the renunciation of man from his destiny.

Keywords: rationality, reason, reason, computational thinking, existential thinking, man, culture, value

